

III. Колледж

Колледж. — Как и все колледжи, как и все тюрьмы, он выходил на темную улицу, но недалеко от Мартуре, Мартуре — нашей большой площади, где находились мэрия, фруктовый рынок, цветочный рынок, место сбора всех проказников, душа города. К тому же конец этой улицы был шумным, там были кабаки, «бутылочные», как их называли, с корягой или связкой веток вместо вывески. Из этих «бутылочных» доносился шум ссор, запах вина, который поднимался мне в голову, возбуждал мои чувства и делал меня веселее и сильнее.

Этот запах вина! — этот приятный аромат погребов! — у меня до сих пор от него защемило в носу и наполнилась грудь.

Пьяницы шумели; они выглядели беззаботными, веселыми, с лентами на хлыстах и полными украшениями на куртках — они кричали, топали ногами и ругались, торгуя свиньями или коровами.

Еще одна пробка выскакивает, раздается хохот, и бутылки стучатся боками в пальцах трактирщика! Солнце бросает золото в бокалы, зажигает пуговицу на этой куртке, жарит кучу мух в том углу. Трактир кричит, благоухает, воняет, дымится и гудит.

В двух минутах ходьбы отсюда гимназия плесневевает, дышит скукой и воняет чернилами; люди, входящие и выходящие, приглушают взгляд, голос, шаги, чтобы не нарушить дисциплину, не потревожить тишину, не помешать учебе.

Какой запах старости!...

Меня туда отводит мадемуазель Баландро. — Моя мама больна. — Перед уходом мне готовят корзинку, и я замыкаюсь в ней до восьми часов вечера. В это время мадемуазель Баландро возвращается и забирает меня. Иногда у меня тяжело на душе, и я рыдая рассказываю ей о своих печалях.

Мой отец ведет первый кабинет — кабинет учеников, изучающих математику, риторику и философию. Его не любят, говорят, что он злой.

Он получил от директора разрешение держать меня в своем кабинете, рядом со своей кафедрой, и я сижу там, делая уроки рядом с ним, пока он готовится к экзамену на право преподавания.

Он поступил неправильно, взяв меня с собой. Старшие ученики не слишком злы на меня; они видят, что я застенчив, боязлив, прилежен; они не говорят мне ничего, что причиняло бы мне боль, но я слышу, что они говорят о моем отце, как они его называют; они смеются над его большим носом, над его старым пальто, они выставляют его в смешном свете в моих детских глазах, и я страдаю, а он об этом не знает.

В такие моменты он иногда грубо обращается со мной. «Что с тобой такое? — Какой он глупый!»

Я только что слышал, как его оскорбляли, и с трудом сдерживал глубокий вздох и грустную слезу.

Во время вечерних занятий он часто посылает меня за книгой или передать записку другому дежурному, который находится в конце двора, совсем там... Там темно, дует ветер; иногда приходится подниматься по лестнице, идти по длинному коридору, по темной лестнице — это целое путешествие: в углах прячутся, чтобы напугать меня. Я притворяюсь храбрым, но чувствую себя спокойно только тогда, когда возвращаюсь в душную кабинет.

Иногда я остаюсь там один, когда мадемуазель Баландро опаздывает. Ученики ушли ужинать, их проводил мой отец.

Как долго тянется время! Пусто, тихо; и если кто-то и приходит, то это лампист, который тоже не любит моего отца, не знаю почему: старик с лупой, в шапке из звериной шкуры и серой куртке, как у заключенных; от него пахнет маслом, он постоянно что-то бормочет сквозь зубы, смотрит на меня суровым взглядом, грубо оттаскивает стул из-под меня, не предупредив, ставит масляную лампу на мои тетради, бросает на пол мой маленький пальто, отталкивает меня в сторону, как собаку, и уходит, не сказав ни слова. Я тоже ничего не говорю и не говорю ничего, когда возвращается мой отец. Меня учили, что нельзя «доносить». Я этого не делаю и никогда не буду делать в течение всей моей школьной жизни, за что мне придется пережить немало мучений со стороны учителей.

Кроме того, я не хочу, чтобы из-за того, что мне причинили боль, моему отцу пришлось пережить что-то плохое, и я скрываю от него, что со мной плохо обращаются, чтобы он не ссорился из-за меня. Будучи совсем маленьким, я чувствую, что у меня есть долг, который я должен выполнить; моя чувствительность понимает, что я сын галерника, да еще и того хуже! Сын надзирателя! И я терплю жестокость придурков.

Я слушаю, не показывая, что слышу, насмешки, которые обрушиваются на моего отца; это тяжело для девятилетнего ребенка.

Бывало, что я очень голодал в некоторые из тех вечеров, когда нас слишком долго не приходили забирать. Из столовой доносились запахи жареного, я слышал звон вилок через двор.

Как я проклинал мадемуазель Баландро, которая не приходила!

Позже я узнал, что её специально задерживали; мама говорила папе, что если бы он не был таким трусом, то мог бы накормить меня остатками своего ужина или тем, что попросил бы в столовой.

«Если бы это была она, то давно бы это сделала. Ему стоило только завернуть это в бумагу. Она бы дала ему маленькую коробку, если бы он захотел».

Мой отец всегда сопротивлялся — бедняга. Страх быть замеченным! Смех, если бы его застали врасплох — позор! Мама время от времени пыталась заставить его пойти на уступку, оставляя меня голодным в его кабинете в час ужина. Он не сдавался, предпочитал, чтобы я немного помучился, и был прав.

Однако я помню, как однажды он выскользнул из столовой, чтобы принести мне маленькую панированную котлетку, которую он достал из тетради с домашними заданиями, где её спрятал: он выглядел таким растерянным и ушёл таким взволнованным! Я до сих пор вижу эту площадь, помню цвет тетради, и позже я простил отцу много обид в память об этой котлете, украденной для сына однажды вечером в лицее в Пюи...

Директор зовут Эннекен — его сослали в эту дыру в Пюи.

Он написал книгу: «Каникулы Оскара».

Ее раздают в качестве приза, и после того, что я слышал и читал о людях, которые были писателями, я испытываю глубокое почтение, безмолвное восхищение к автору «Каникул Оскара», который удостоил себя быть директором школы в нашем маленьком городке, директором моего отца, и который приветствует мою мать, когда встречается ее.

Я проглотил «Каникулы Оскара».

Я до сих пор вижу этот твердый переплет зеленого цвета, мраморного зеленого, который белел под большим пальцем и лип к рукам, с белым кожаным корешком, плохо открывающимся, напечатанным на свечевой бумаге. Ну что ж! Из этих страниц, из этой несчастной книги, в мою память впадает ощущение свежести каждый раз, когда я о ней думаю!

Там есть история о рыбалке, которую я не забыл.

Большая сеть блестит на солнце, капли воды скатываются, как жемчужины, рыбы шевелятся в ячейках, два рыбака стоят в воде по пояс, это трепет реки.

Этот Эннекен, этот сбитый с толку директор школы, этот поклонник маленького Оскара, умел растягивать эту длинную фразу на целую страницу и втискивать эту реку в уголок главы...

Профессор философии — месье Белибен — маленький, худенький, с головой размером с кулак, тремя волосами и ноткой уксуса в голосе.

Он любил доказывать существование Бога, но если кто-то вставлял аргумент, даже в его пользу, он давал понять, что его беспокоят, что ему нужен весь стол, как для успешного экзамена.

Он доказывал существование Бога с помощью маленьких кусочков дерева и фасоли.

